

гии. Там же, где алхимия «эссенциальна», она может быть понята как специфически средневековый феномен, хотя и без столь резкого небрежения *телом*. В самом деле, разве «золотость» как субстанциальное свойство не проникает и ржавое *железо*, не говоря уже о *меди*, могущей быть, хотя бы временно, и красной, и блестящей, подобно настоящему *золоту*? Свойство субстанциально. Субстанция наделена свойством. «Золотость» — «эссенция» металлов, их субстанциональная сущность — просто *субстанция*, но более высокого порядка, подобно *Протею*, проникающая все металлы и их неотъемлемое свойство — металличность. В данном случае «золотость» совпадает с сущностью, которую надо лишь увидеть, внутренним оком увидеть — проявить. Но и добыть, отделяя телесное, то есть то, что как раз существенно для души *аполлоновской*. Но, добравшись до сути, вновь обрести тело, приобщившись к богу как всеобщему субъекту. «Золотость» оказывается тождественной божественности. Второй, «физико-химический» смысл алхимической «эссенции»¹³.

Такое движение алхимической мысли в первом приближении совпадает с движением мысли средневекового христианина, озабоченного поисками абсолюта, *совершенной субстанции*, — словом, всего того, что причастно к таинству *причащения, восхождения по «лестнице», отделения плевел от ржи, агнцев от козлиц*.

Достигается ли алхимический абсолют средствами *магии*? Да, именно магическими средствами — заклинательно, ритуально, мнемонически. Рецепт алхимика *Рипли* даже на первый взгляд удостоверяет нас в этом. Вместе с тем магия (в нетеургическом своем проявлении) — задворки христианской средневековой жизни. И вдруг алхимия полагается тождественной европейскому средневековью. Что же можно противопоставить этому возражению? Алхимия (в магической своей проекции) живет собственной языковой памятью, запечатленной и в рецепте *Рипли*. В этом смысле она — перевернутое отражение собственно христианского средневековья, но поскольку все-таки отражение, то и организовано оно должно быть по «законам» средневекового мышления. Тогда неофициальность алхимии может оказаться сродни изнаночности народно-смеховой традиции средневековья. С той лишь, пожалуй, разницей, что алхимическая магия, как и магия вообще, практична и предельно серьезна в отличие от фольклорного гротеска — игрового, карнавального — в практическом смысле бесцельного.

Примерно так выглядели бы аргументы, оправдывающие понимание алхимического текста как представительствующего в сию средневековую христианскую культуру. Попробую сжато сформулировать эту историко-графическую позицию.

¹³ Но тогда бесформенный, «физико-химический» эссенциализм должен быть понят как христианский поиск божественно оформленной сущности, когда во имя последней разрушается до поры несущественное (точнее, внесущностное) тело.